

— Дядюшка, это младший брат Сунь первым полез в драку! — Чжоу Синъюнь прикрикнул на Сунь Чжаньминя, заставляя того отступить, и опустился на колени перед старейшиной. — Сюэ Няньлан лишь защищался.

Чжан Цинсюань промолчал, лишь махнул рукой, призывая юношу успокоиться.

Он нахмурился, погружаясь в раздумья. Себя он считал мастером боевых искусств немалого уровня, однако приёмы Сюэ Няньлана видел впервые в жизни. Неужели этот юнец и впрямь демон?

Чжан Цинсюань подозвал одного из учеников Зала правосудия:

— Возьми ещё пятерых и ступай в обитель Скопленных облаков. Осмотрите там всё ещё раз. Выясните, нет ли там следов демонической ауры. — Затем он повернулся к Чжоу Синъюню: — Ради справедливости ты пойдёшь с ними. Но делайте всё тихо, без лишнего шума.

Когда Чжоу Синъюнь ушёл с остальными, Чжан Цинсюань сурово взглянул на Цзинь Линьэра:

— Сюэ Няньлан, что за боевое искусство ты сейчас показал?

Сунь Цинфэн только-только усмирив свой гнев, но враждебный тон старейшины мгновенно переполнил чашу его терпения. Внутри клокотала тёмная ярость. Казалось, лишь чужая кровь, пролитая на каменный пол этого зала, сможет потушить бушующий в груди пожар.

К счастью, рассудок ещё сдерживал безумие. Понимая, что творить резню нельзя, он лишь процедил сквозь зубы:

— Это не кунг-фу твоей школы Хуашань. Тебе-то какое дело?

— Брат, позволь мне, — Цзинь Линьэр мягко удержал Сунь Цинфэна и повернулся к старейшине: — Это наше семейное наследие. У этих приёмов нет названия.

Сунь Чжаньмин тут же выкрикнул:

— Как у такого великого искусства может не быть названия? Обычное бесовство!

Цзинь Линьэр опустился на колени и почтительно поклонился старейшинам:

— Уважаемые старейшины, я не демон. О том, какие книги я читал и какими боевыми искусствами владею, доподлинно известно моему учителю. Он сам одобрил наше семейное учение и разрешил мне заниматься под руководством старшего брата в свободное время. Когда

учитель выйдет из уединения, вы сможете спросить его сами.

Услышав о «семейном наследии», Чжан Цинсюань вдруг замер. В его голове зародилась дерзкая догадка. Он ведь вырос бок о бок с Сюэ Чжэньяном, тренируясь у прошлого главы школы. Они были не просто соучениками — близкими друзьями.

И зная упрямый нрав названного брата, Чжан Цинсюань понимал: тот вполне мог пойти на подобное безумство.

Осознав это, старейшина понял, что угодил в ловушку собственной праведности.

Если догадка верна, то эти братья — обычные люди. Более того, за их головы назначена награда и силами ортодоксальных сект, и приверженцами тёмного пути. Беглецам бы затаиться, с чего им среди бела дня резать людей?

Но даже если они действительно приложили руку к гибели Чжу Хуаня, раскрывать их личности сейчас нельзя. Стоит правде выплыть наружу, и школу Хуашань обвинят в укрывательстве беглых еретиков. А это позор, который ничем не смыть.

Старейшина Го Цинчи недоумённо нахмурился:

— Брат Чжан, почему ты медлишь с решением? Неужели боишься гнева главы школы?

Чжан Цинсюань покачал головой:

— Если вина не доказана, мы не имеем права карать. Лучше отпустить виновного, чем погубить невинную душу. Сюэ Няньлан — прямой ученик главы школы. Тех улик, что у нас есть, мало для приговора. Думаю, нам следует, во-первых, дождаться, пока брат Сюэ прервёт затворничество и сам рассудит нас, а во-вторых, раз уж Чжу Хуань успел послать за ищейками из Бюро по поимке демонов Куньлуня, разумнее дождаться их проверки.

Первым недовольство выказал вовсе не заносчивый Сунь Чжаньмин, а Чу Жои.

Старший ученик Чжан Цинсюаня уже перешагнул тридцатилетний рубеж. Человек основательный и суровый, он фактически заправлял всеми делами в Зале правосудия.

Именно он прошлой ночью прочёсывал тёмный лес у обители Скопленных облаков, осматривал тело убитого Чжу Хуаня и переворачивал его жилище вверх дном.

Все собранные улики лежали перед старейшинами. Чжоу Синъюнь подтвердил подозрения. Обвиняемый даже не пытался оправдываться, а вместо этого пустил в ход тёмные приёмы и напал на соученика прямо в храме. И после всего этого называть вину «недоказанной»?

«Похоже, учитель попал под власть бесовских чар и лишился разума».

Подав знак остальным ученикам готовиться к бою, Чу Жои шагнул вперёд:

— Учитель! Граница Белого моря усеяна костями праведников, весь мир знает о кровожадности демонов. Если этот мальчишка — один из них, закон один: лучше казнить невиновного, чем упустить тварь. Вы — глава правосудия школы Хуашань. Неужели страх перед главой заставит вас нарушить закон?

— Какое благородство! — Сунь Цинфэн зло рассмеялся. — «Лучше казнить невиновного»... Так вот какова хваленая праведность великой школы Хуашань! Сегодня я вдоволь на неё насмотрелся.

«Что с ним происходит? Откуда в нём столько злобы?»

Цзинь Линьэр незаметно пихнул Сунь Цинфэна локтем и умоляюще посмотрел на него. Тот нехотя замолчал, но помрачнел ещё сильнее.

— Мы с братом никого не убивали, — заговорил Цзинь Линьэр, стараясь говорить ровно. — Произошедшее — грязный заговор. Кто-то умышленно рассорил нас с братом Чжу, чтобы подставить нас и лишить Хуашань покоя. Прошу вас, дядюшка Чжан, узрите истину!

Сунь Чжаньмин, почуяв намёк в свой адрес, взвился:

— Не смей клеветать, щенок!

— Если это заговор, почему подставили именно тебя, а не кого-то другого? — холодно спросил Чу Жои.

Цзинь Линьэр поник и покачал головой:

— Я не знаю.

Мальчик провёл под замком всю ночь. На его изношенном, заляпанном чужой кровью даосском одеянии запеклись тёмные пятна. В огромном, холодном Зале правосудия его фигура казалась совсем хрупкой, а плечи — беззащитно узкими.

Шёпот за спиной нарастал, грозя захлестнуть их волной презрения и злобы.

Сунь Цинфэн стоял посреди этого гула, не слыша ни слова. Он смотрел на согнутую спину Цзинь Линьэра и сквозь рваную ткань будто видел уродливый глубокий шрам.

«Почему этот глупый мальчишка продолжает улыбаться миру, который только и делает, что бьёт его? Почему небо столь несправедливо? Он хочет быть добрым, но ему не дают. Не дают быть здоровым, не позволяют жить как все. За что?»

Сунь Цинфэн охранял заснеженные пустоши Границы Белого моря почти два века и никогда не роптал на судьбу. Но за эти несколько часов в его душе вспыхнуло яростное пламя, готовое теперь спалить всё вокруг.

Подавив ропот учеников, Чжан Цинсюань строго посмотрел на своего старшего помощника:

— Согласно законам государства Юн, тот, кто зная о невиновности, потворствует оговору, сам становится соучастником преступления. Мы — люди цзянху, но не разбойники с большой дороги. И пока я руковожу Залом правосудия, закон будет исполняться. Мой приказ: запереть обоих в Подвесной тюрьме до выяснения всех обстоятельств.

— По какому праву?! — взревел Сунь Цинфэн.

Чжан Цинсюань с силой ударил ладонью по столу:

— По праву того, что вы — ученики школы Хуашань!

Сунь Цинфэн рванулся вперёд, сорвал с головы Цзинь Линьэра даосскую шапочку с символом Великого предела, одним движением пальцев раскрошил в пыль закреплённую на ней яшмовую подвеску и швырнул обломки под ноги старейшинам:

— Больше нет.

Цзинь Линьэр изо всех сил вцепился в его запястье, умолая:

— Брат, остынь! Не делай глупостей. Убийца разгуливает на свободе, не нужно устраивать резню на радость врагам!

Но Сунь Цинфэн, ослеплённый гневом, оттолкнул его руку:

— Человек не тронет тигра, да только у зверя на уме одно — сожрать его! Оставь свою бесполезную жалость! — Он повернулся к старейшине и хищно оскалился: — Раз уж ваша школа брезгует нами, мы уходим. Но напоследок дам совет: ищите настоящего убийцу. Если не хотите, чтобы Хуашань вырезали под корень, не стойте у меня на пути.

Чжан Цинсюань вскочил со своего места, его лицо залила краска гнева:

— Какая дерзость! Вы пролили кровь нашего ученика на священной земле Хуашань, против вас говорят все улики! Я пытался рассудить по совести, чтобы не погубить невинных, а вы смеете угрожать мне? За кого вы принимаете нашу школу? Думаете, сюда можно прийти и уйти по собственному желанию? Ученики Хуашань, к оружию!

Чу Жои среагировал мгновенно, скомандовав:

— Обнажить мечи!

Десятки стальных лезвий с лязгом покинули ножны. Окружившие беглецов ученики замерли, заворожённые и напуганные той дикой, подавляющей силой, что исходила от Сунь Цинфэна.

Холодный блеск мечей слился в слепящую пелену, похожую на готовую сорваться с гор лавину.

Сунь Цинфэн лишь презрительно фыркнул:

— Я всю жизнь хожу там, где пожелаю, и никто мне не указ. Вы так глупы, что жалости не стоите. Чем покорнодохнуть один за другим от рук неведомого убийцы, лучше примите смерть от меня. Заодно проверите, пью я кровь или нет.

— Брат, остановись... — взмолился Цзинь Линьэр.

— Молчи! — оборвал его Сунь Цинфэн. В глубине его зрачков блеснул багровый огонёк.

— Раз вы больше не признаёте себя частью Хуашань, мы не связаны узами братства, — холодно произнёс Чу Жои. — Мы не хотим вашей смерти, но если продолжите сопротивляться — пощады не ждите.

Прежде чем Чжан Цинсюань успел крикнуть «стойте», тишину зала разорвал свист клинков.

Сунь Цинфэн тяжело, шумно дышал. Он стоял неподвижно, но когда первая волна нападающих приблизилась, просто махнул рукой. В воздухе соткалась тяжёлая, осязаемая волна тёмно-золотой истинной ци. Раздался глухой удар, и десяток мечников отлетел назад, врезавшись в колонны и стены храма.

«Кто они такие?!»

Окружающих охватил священный трепет.

Сюэ Няньлан — совсем ещё мальчишка со слабой основой, но он играючи справился с Сунь Чжаньмином, который тренировался пять лет!

А его старший брат Сюэ Фэн, обычный поварской помощник, два года тихо раздувавший угли в павильоне Вопросания Дао, одним движением раскидал десяток лучших бойцов!

Что это? Невероятный природный талант или загадочное, невиданное ранее учение? И если учение, то чьё оно?

Если бы много лет назад, во время осады горы Цинмин, Сюэ Чжэнъян оказался среди нападавших, старейшины сразу узнали бы этот почерк. Именно этот безвестный мечник когда-то прорубил кровавую просеку сквозь плотные ряды Альянса боевых искусств, спасая наследника Дьявольского культа.

Но ветеранов той бойни здесь не было. Стоящие в зале молодые мастера понимали лишь одно: перед ними непреодолимая стена. Силы были слишком неравны. Опасливо переглядываясь, они не решались сделать шаг вперёд.

Цзинь Линьэр чувствовал: творится неладное. Названный брат всегда казался суровым и ворчливым, но никогда не поддавался слепой ярости и уж тем более не крушил всё без разбору.

Человек, что в полном одиночестве прожил два века среди ледяных ветров Границы Белого моря, привык терпеть любые лишения и насмешки судьбы. Он обладал силой, способной перевернуть мир, но никогда не кичился ею и не обнажал оружия против тех, кто слабее. Лишь воины Гуйфан заставляли его драться всерьёз.

Такой мастер не мог опуститься до бессмысленной злобы.

Цзинь Линьэр вгляделся в искажённое яростью лицо брата. Напряжённая грудь Сунь Цинфэна вздымалась слишком часто, но под кожей угадывалось иное движение — тёмное, хаотичное, не имеющее отношения ни к дыханию, ни к биению жизни.

«Призрачная злоба... Она пробуждается!»

Цзинь Линьэр похолодел от ужаса. Он ведь исправно пил кровь, умирняя проклятие. Почему же Призрачная злоба внутри Сунь Цинфэна взбунтовалась?

Не давая брату сделать шаг к новой жертве, он вцепился в его ладонь:

— Брат, послушай меня!..

Но в этот момент ученики Хуашань снова ринулись в атаку. Сунь Цинфэн мягко оттолкнул юношу назад и выбросил вперёд свободную руку.

— Мы терпели слишком долго, — его голос звучал пугающе ровно. — Этот мир огромен, но в нём нет места для нас. Сколько нам ещё бежать? Я терпел две сотни лет. Хватит. Тебе не нужно мारать руки в крови. Просто стой за моей спиной. Я выведу нас.

Он крепко сжал пальцы Цзинь Линьэра и потащил его за собой к выходу. Нападавшие попятились, не смея преградить дорогу.

Поняв, что рядовым ученикам не сдержать этого монстра, старейшины решили вмешаться. Трое мастеров, за исключением Чжан Цинсюаня, взмыли в воздух и приземлились, отрезая беглецам пути к отступлению. В их глазах приговор уже был вынесен.

Сунь Цинфэн не стал тратить слова на оправдания — он атаковал первым. Цзинь Линьэру ничего не оставалось, кроме как защищать спину брата, уворачиваясь от выпадов.

Вершиной мастерства школы Хуашань по праву считалось искусство «Возвращения двух начал к истоку». Этот метод требовал от ученика идеального телосложения и стальной воли. Десятилетиями адепты закаляли тело снаружи и копили внутреннюю ци, не видя особых плодов, но преодолев заветный рубеж, обретали сокрушительную мощь.

Среди нападавших этой техникой владел лишь старейшина Го Цинчи, представитель секты Ци. Ему едва исполнилось пятьдесят, но он давно миновал критический порог развития, доказав, что рождён для великих свершений. На всей горе Хуашань лишь глава школы Сюэ Чжэньян превосходил его в искусстве управления внутренней энергией.

Го Цинчи первым пошёл в атаку. Он не смел недооценивать противника: его ладони замелькали, нанося удар за ударом, и в каждом движении гудела плотная, концентрированная ци. Он бил в полную силу.

Но Сунь Цинфэн даже не сдвинулся с места.

Удерживая Цзинь Линьэра за своей спиной, он лениво повёл левой рукой, исполняя приём «Слияние четырёх морей» из техники ладони Золотой тени. Очертив в воздухе плавный контур инь-ян, он без труда поглотил всю атакующую мощь соперника, затянув её в невидимый водоворот восьми триграмм.

«Что это за магия?»

«Неужели и впрямь чернокнижие демонов?»

Шёпот ужаса пробежал по рядам зрителей. Сунь Цинфэн лишь хмыкнул. Улучив миг, когда Го Цинчи разорвал дистанцию для нового выдоха, он мгновенно перешёл в контратаку приёмом «Дракон, выходящий из моря», возвращая накопленную энергию обратно.

Воздух задрожал. Тёмно-золотой узор восьми триграмм со свистом полетел в старейшину. Прямо перед лицом Го Цинчи он раскололся надвое, превратившись в двух призрачных рыб, ударивших с флангов.

Старейшина не успел уклониться. Раздался хруст ломающихся костей — удар пришёлся на правое предплечье. Го Цинчи рухнул на колени, бледнея от боли. Двое других старейшин тут же бросились к нему, загоразивая от беглеца и проверяя его меридианы.

Сунь Цинфэн раскатисто расхохотался:

— Если вам дорога жизнь, убирайтесь с дороги!

Цзинь Линьэр понял, что дело принимает скверный оборот. Наплевав на мечи вокруг, он развернулся к Сунь Цинфэну лицом и крепко схватил его за плечи:

— Брат, приди в себя! Ты никогда не был убийцей!

Сунь Цинфэн медленно повернул к нему безумный взгляд:

— Неужели ты только сейчас это понял?

— Ты не можешь совладать с Призрачной злобой, верно? — прошептал юноша.

Брат грубо смахнул его руки со своих плеч, перехватил его за подбородок и с силой провёл большим пальцем по его губам. В глазах воина разгоралось багровое пламя:

— Во мне нет бесов. Я сам — бес. И ты никогда меня не знал.

Цзинь Линьэр отчаянно замотал головой:

— Нет, знаю! Никто в мире не знает тебя лучше. Ты — защитник, ты лучший человек на этой проклятой земле. Кем бы ты ни стал, я всегда узнаю тебя. Но сегодня ты сам на себя не похож.

Сунь Цинфэн резким движением откинул назад двух учеников, пытавшихся зайти со спины, и притянул Цзинь Линьэра за воротник к себе:

— Посмотри на этих праведников. В их глазах горит священный огонь. Разве они пришли не за тем, чтобы упокоить нечисть?

— Брат, если наша совесть чиста, нам нечего бояться их клеветы. Нам нужно найти настоящего убийцу, а не проливать невинную кровь. Если мы сбежим, то сами признаем вину!

Взгляд Сунь Цинфэна окончательно остекленел, зрачки окрасились в багровый цвет запекшейся крови. Под его бледной кожей будто зашевелились мерзкие паразиты — сосуды на шее вздулись тёмными жгутами. Но он лишь безразлично скользнул взглядом по окружившим их врагам:

— Испугался? Решил примкнуть к ним, чтобы усмирить меня?

Раненый старейшина Го едва дышал, двое других пытались облегчить его страдания. Вокруг стояли растерянные ученики, сжимающие мечи, а прямо перед ним готовый сорваться в безумие брат крушил последние остатки своего разума.

От бессилия у Цзинь Линьэра перехватило дыхание, на глаза набежали слёзы. Он рванулся вперёд и крепко обнял бушующего великана:

— Ты мой брат! Мне плевать на их обвинения и мечи. Пусть ты демон, пусть ты сам дьявол — мне всё равно! Я боюсь лишь одного... что тебе сейчас больно!

Сунь Цинфэн замер. Безумный ритм его дыхания оборвался. Он медленно закрыл глаза и обнял мальчика в ответ. Его пальцы нащупали сквозь ткань старый шрам на лопатке, и сердце пронзила острая, трезвая боль.

«Глупый... Да разве я сам не боюсь, что тебе будет больно?»

В этот короткий миг слабости Сунь Цинфэн наконец осознал, как глубоко проникла Призрачная злоба. Её ледяные щупальца двигались бесшумно, словно ночной прилив, медленно затапливая его разум сокрушительной ненавистью. Опасность была слишком близка.

Когда он снова открыл глаза, багровая муть почти исчезла, уступив место привычной усталой ясности:

— Не бойся. Брат с тобой.

Цзинь Линьэр шмыгнул носом, отчаянно пытаясь сдержать подступающие слёзы.

Сунь Цинфэн грубовато, но заботливо вытер его мокрую щеку широкой ладонью и тихо усмехнулся:

— Ну вылитый заяц. Чего разнюнялся?

— И вовсе я не плачу, — буркнул юноша, упрямо вскинув подбородок.

— Призрачная злоба туманит мой разум, — быстро шепнул Сунь Цинфэн, склонившись к самому его уху. — На этот раз она действует иначе: не пытается разорвать тело, а тихо травит душу изнутри, желая полностью подчинить себе. Всё это чертовски вовремя подстроено. Сделай так, как я скажу. Когда начнётся заваруха, ты...

Цзинь Линьэр внимательно выслушал план и неуверенно кивнул:

— Это точно сработает?

Двое старейшин-мечников не дали им договорить — они пошли на сближение.

Школа Хуашань славилась девятью великими стилями владения мечом. Все они отличались изяществом и непредсказуемостью, но самым стремительным и коварным по праву считался «Меч Облачного призрака», созданный пять веков назад двумя старейшинами из рода Сюэ.

Эти приёмы были подобны туману — бесплотные, неуловимые. Даже равному по силе мастеру без оружия в руках грозила неминуемая смерть под градом этих призрачных ударов.

Оба нападавших старейшины принадлежали к секте Меча и совместно практиковали «Меч Облачного призрака», десятилетиями оттачивая эту технику вместе. Их слаженная атака превосходила любые ожидания.

Они ударили одновременно. Храм заполнился ослепительным сиянием, похожим на мириады осыпающихся ледяных игл. Сталь свистела и изгибалась так быстро, что сами клинки растворились в воздухе, являя себя лишь в смертоносных уколах, предугадать направление которых было выше человеческих сил.

Ученики затаили дыхание. До этого они видели лишь его сокрушительные удары ладонями и полагали его мастером рукопашного боя. Они не знали главного: Сунь Цинфэн дрался голыми руками лишь потому, что в его пальцах не было меча.

Человек, прошедший бок о бок с клинком две сотни лет, знал о стальном оружии всё.

Хватило одного взгляда, чтобы он разгадал сложнейшую траекторию «Облачного призрака». Резкий взмах руки — и пальцы воина исполнили приём «Пронзающий небеса». Две тонкие струи тёмно-золотой ци со звоном ударили прямо в лезвия нападавших. Два щелчка — и безупречный узор старейшин рассыпался прахом.

Цзинь Линьэр прикрывал тыл, круговыми ударами отгоняя нападавших со всех сторон бойцов.

Сунь Цинфэн прижался спиной к спине юноши. В его глазах вновь затрепетал багровый отсвет Призрачной злобы. Сделав три стремительных шага вперёд, он голыми руками вырвал меч у одного из нападавших старейшин, развернулся на месте и приставил остриё прямо к кадыку второго.

— Давай! — рывкнул он, не оборачиваясь.

Цзинь Линьэр резко развернулся. Сжав зубы до скрежета, он обрушил на спину названного брата серию ударов из техники «Бескрайние следы Юя». Его ладони с глухим стуком опустились на шею, плечи и область за сердцем воина.

Клинок выскользнул из ослабевших пальцев Сунь Цинфэна. Мужчина покачнулся и тяжело рухнул на каменные плиты без чувств.

Подобрав упавшее оружие, Цзинь Линьэр бережно протянул его рукоять ошеломлённому старейшине:

— Недостойный ученик готов принять любую кару! Но умоляю вас, пощадите брата. Он лишь защищал меня и не желал никому зла.

Оба мастера секты Меча застыли, окончательно сбитые с толку происходящим.

— Мы не убивали брата Чжу, — твёрдо произнёс Цзинь Линьэр. — И нам не страшны никакие проверки Бюро по поимке демонов Куньлуня. Пока истина не восторжествует, мы добровольно принимаем заточение в Подвесной тюрьме. Но умоляю вас, проведите честное расследование и найдите настоящего убийцу.

Чу Жои опомнился первым и закричал:

— Чего застыли?! Взять их!

Чжан Цинсюань устало махнул рукой:

— Свяжите обоих и уведите в Подвесную тюрьму.

Ученики правосудия навалились толпой, прижав клинки к шее бесчувственного Сунь Цинфэна. Цзинь Линьэра грубо толкнули на колени и стянули его запястья жёсткими путами из воловьей кожи.

Именно эту картину застал вбежавший в зал Чжоу Синъюнь. Его лицо, и без того бледное, сделалось мертвенно-серым.

— Синъюнь, что вы нашли в обители? — немедленно спросил Чжан Цинсюань.

Но юноша молчал. Он перевёл взгляд на бесчувственное тело повара, затем на стянутого верёвками Цзинь Линьэра. Тот едва заметно качнул головой, беззвучно шевельнув губами: «Всё в порядке». Чжоу Синъюнь так и не смог вымолвить ни слова.

Тогда вперёд выступил другой ученик правосудия:

— Учитель, старший брат Чжоу слишком добр и дорожит дружбой, потому молчит. Позвольте мне доложить. Мы тщательно обыскали обитель Скопленных облаков, но не нашли там никаких демонических следов.

Цзинь Линьэр мысленно выдохнул.

— Однако когда мы осматривали берег у водопада, брат Чжоу случайно наступил в лужу крови, — продолжал докладчик. — Пойдя по этому следу, мы обнаружили свежевскопанную землю. Раскопав её, мы извлекли несколько винных кувшинов. Но внутри было вовсе не вино.

Ученик подал знак, и двое младших братьев внесли в зал глиняные сосуды. Стоило сорвать печати, как по Залу правосудия распространилась невыносимая, удушливая вонь гниющей плоти.

Присутствующие зажали носы. Содержимое сосудов заставило всех содрогнуться — кувшины были до краёв наполнены чёрной запекшейся кровью, в которой кишели жирные белые личинки.

Цзинь Линьэра и Сунь Цинфэна заперли в Подвесной тюрьме на утёсе Алой зари.

Это место пользовалось дурной славой далеко за пределами Хуашань. Сам утёс представлял собой не цельную скалу, а россыпь из десятков отвесных каменных столбов, взмывающих в небо подобно исполинским стеблям бамбука.

Они стояли кучно, но ни один из них не соприкасался с соседом. Подняться на эти кручи по склонам было невозможно. Из-за багрового цвета породы, вечно окутанной облаками, эти пики прозвали Даньсяо — вершинами Алой зари.

Предки нынешних мастеров приспособили скалы под тюрьму. В каменной толще вырубили глубокие пещеры-одиночки, соединив их между собой толстыми стальными цепями, по которым на блоках переправляли воду и скудную еду. Узники здесь были лишены малейшей возможности сговориться или взять в заложники стражников. Единственный путь сюда вёл с восточной вершины — пика Мульей спины, откуда перекинули подвесной мост.

Стоило убрать этот мост, и даже величайший мастер боевых искусств оказывался заперт в каменном мешке между небом и землёй. Потому тюрьму и звали Подвесной.

Когда-то Сунь Цинфэн сам настоял на том, чтобы Цзинь Линьэр вступил в школу Хуашань. Его манил именно этот неприступный замок. Он рассчитывал, что если Призрачная злоба окончательно поглотит его разум, юноша сможет бежать, а старейшины запрут обезумевшего зверя в этой безвоздушной вышине.

Кто же знал, что его мрачное желание сбудется так скоро, вот только в каменную клетку они угодят вдвоём.

На высоте сотен чжанов за стенами выл ледяной ветер, его завывания походили на погребальный плач.

Ясная луна заливала холодным светом безмолвное ущелье. В её призрачном сиянии окутанные тьмой вершины казались причудливыми рифами на дне глубокого океана.

Цзинь Линьэр сидел, прижавшись спиной к сырой каменной стене. На его коленях покоилась тяжёлая голова спящего Сунь Цинфэна. Рядом лежали два черствых пшеничных пампушка — их ужин.

Еда давно остыла и превратилась в камень, но юноша не притронулся к ней, хотя в животе от голода давно крутило. Он берёт крохи для старшего брата. Все эти часы он лишь осторожно тормошил Сунь Цинфэна за щёку, шепча его имя.

— Брат, ну сколько можно спать?

— Твоя пампушка совсем заледенела. Но у меня есть ещё одна, я отдам её тебе, честно.

— Смотри, даже звёзды уже проснулись. Просыпайся и ты...

Каменная келья была запечатана тяжёлой железной дверью, сквозь стыки которой не проникал ни один сквозняк. Лишь под самым сводом тянулся ряд круглых отверстий величиной с кулак, прорубленных для воздуха.

Лунный свет и звёздное мерцание пробивались сквозь эти узкие щели, прорезая чернильную темноту пещеры тонкими, серебристыми спицами. Это выглядело странно и пугающе красиво.

Ледяная капля сорвалась со свода и упала точно между бровей Сунь Цинфэна.

Он вздрогнул, нахмурился и медленно открыл глаза. Первое, что он увидел — склонённое над ним лицо Цзинь Линьэра, бледное и чистое в холодном лунном сиянии.

Поймав ладонь юноши, которая всё ещё грела его щеку, воин нащупал на его запястье глубокие, налитые кровью следы от жёстких кожаных пут.

— Они пытали тебя? — хрипло спросил он.

Цзинь Линьэр качнул головой:

— Нет. Всё хорошо.

Сунь Цинфэн тяжело вздохнул, его голос звучал глухо и слабо:

— Почему они заперли нас в одной клетке? Мы же договаривались... Если я сойду с ума, ты должен держаться от меня как можно дальше.

Услышав родной голос, Цзинь Линьэр встрепенулся. Из-за глупой тревоги он совсем позабыл о заботе.

Он торопливо зачерпнул из глиняного кувшина немного воды и поднёс ложку к губам брата:

— Я не знал, придёшь ли ты в себя. И боялся, что эти люди уморят тебя голодом. В конце концов, если суждено погибнуть, то лучше вместе. Я не оставлю тебя.

Вода была затхлой и ледяной, но Сунь Цинфэну она показалась слаще горного нектара. Он хрипло усмехнулся:

— Ну и дурак же ты. Наследник великого Дьявольского культа, обладатель сокрушительной силы — и безропотно даёшь заковать себя в кандалы. За две сотни лет не видывал подобного недоразумения.

Цзинь Линьэр тихо фыркнул:

— Чья бы корова мычала. Ты ведь поступил точно так же.

— Да если бы не ты!.. — сорвалось с губ Сунь Цинфэна, но он вовремя осёкся, не желая выдавать своих истинных чувств, и грубо добавил: — Вечно ты тащишь меня на дно.

Сунь Цинфэн лежал, устроившись на его коленях. Ему было тепло, поэтому он не спешил подниматься.

Цзинь Линьэр взял пампушку, отщипнул маленький кусочек и бережно поднёс к его губам:

— На самом деле люди в школе неплохие, они принесли нам еду. Пусть только хлеб, но сейчас выбирать не приходится. Потерпи немного.

Сунь Цинфэн послушно жевал чёрствы́е куски прямо из его рук:

— Обычный кусок теста — и ты уже растаял? Да я в свои лучшие годы свиней сытнее кормил.

— Свиньи хлеб не едят, — парировал Цзинь Линьэр.

— А ты сам-то ел?

Цзинь Линьэр не сразу понял, к чему клонит брат, и обиженно пробурчал:

— Я не свинья.

— Когда ты лжёшь, у тебя веки подёргиваются, — Сунь Цинфэн медленно поднялся с его колен, разминая затёкшие плечи, и прошёлся по камере, заглядывая в вентиляционные отдушины. — Моему телу не нужны ни сон, ни пища. Если ещё раз отдашь мне свою долю — убью на месте. Понял?

— Брат, что всё-таки произошло в зале? — спросил Цзинь Линьэр, подходя ближе. — Я ведь только вчера пил кровь, послушно медитирую каждую ночь. Почему Призрачная злоба взбунтовалась так внезапно? Может, я тренируюсь слишком усердно, и прежней дозы крови уже мало для удержания контроля?

Сунь Цинфэн прислонился спиной к холодному камню и уставился на россыпь звёзд за пределами темницы:

— Скажи мне... у тебя в голове бывают тёмные мысли?

Цзинь Линьэр встал рядом, точно так же устремив взгляд в ночное небо. Подумав, он тихо ответил:

— Времена года сменяют друг друга, день уступает место ночи. Там, где есть свет, неизбежно рождается тень. У каждого человека в душе водятся свои демоны.

«Глупый, несносный мальчишка...» — подумал Сунь Цинфэн, чувствуя, как тепло его ладони согревает озябшие пальцы.

— Здесь жуткий холод, — поёжился юноша и быстро перехватил его руку, глупо, но как-то очень тепло улыбнувшись. — У меня в голове постоянно роятся странные мысли. Например,

набросить на твою голову красную свадебную фату и утащить к себе в жёны. Или щекотать тебе пятки гусиным пером, когда ты злишься. Но если говорить о действительно страшных вещах... Иногда мне хочется стереть Альянс боевых искусств с лица земли.

Сунь Цинфэн резко повернулся к нему, его глаза округлились:

— Только попробуй!

— Отец погиб у меня на глазах, — тихо вздохнул Цзинь Линьэр. — Глупо отрицать, что я до сих пор ношу в сердце обиду. Но месть рождает лишь новую месть, так что я гоню от себя эти думы.

«Глупый... Ты ведь даже не понимаешь, кто из нас двоих кого спасает».

— Ты невыносим. Когда нужно проявить ум, ты валяешь дурака, а когда не нужно — заговариваешь мне зубы, — Сунь Цинфэн злился вовсе не из-за слов о мести. В его понимании вернуть долг кровью было делом справедливым. — Все эти годы я только и делал, что помыкал тобой. И после этого ты мечтаешь о свадьбе? Боишься, что я сбегу и оставлю тебя одного? Почему ты вечно ждёшь от меня предательства? Неужели я кажусь тебе настолько ненадёжным?

Цзинь Линьэр испуганно замахал руками:

— Нет! Что ты! Я просто... просто думаю...

— Мужчина ты или кто? Хватит мямлить! — прикрикнул воин.

Лицо юноши залилось пунцовой краской. Набрав в грудь воздуха, он выпалил:

— Ты слишком хорош для меня! Я ведь обычный калека, никчёмный глупец, который и шага без тебя ступить не может. Я глупый, ленивый, хочу помогать людям, но у меня нет сил даже на то, чтобы защитить себя. Я вечно вишу на твоей шее тяжёлым грузом...

— Хватит, — оборвал его Сунь Цинфэн.

Он отвернулся и сделал полшага в сторону, пряча лицо в глубокой тени, куда не достигали серебряные лучи луны.